

ра», знание которого помогает понять тот интегральный уровень регуляции индивида, который называют личностью.

3. Интегрированность семантических полей исследуемых образов – представлений (категорий). Рост интегрированности семантических полей в структуре системы является важным индикатором, отражающим процесс реструктурирования опыта, интеграции семантических полей изучаемых категорий, уровень сформированности системы в целом.

Таким образом, использование психосемантического подхода позволяет выявлять общие тенденции в динамике процесса усвоения опыта и индивидуальные особенности их проявления с целью анализа, самоанализа и оптимизации процесса обучения.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999.
2. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
3. Чулприкова Н.И. Умственное развитие и обучение / М.: АО «Столетие», 1994.
4. Якиманская И.С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопросы психологии. – 1994. – № 2.

Т.Н. ПРОХОРОВА
БелГУ, г. Белгород

ПСИХОЛОГО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Одной из базисных величин прагматического измерения речевого общения является фоновое содержание высказывания. Оно, в известной мере, сопрягает в рамках речевого акта действия отправителя высказывания и его получателя, в роли которых попеременно выступают оба участника коммуникации. В этой связи хотелось бы заметить, что основной формой языковой коммуникации бесспорно признается диалог. Ср.: «Нет никаких оснований сомневаться в первичности диалогической речи с точки зрения истории человеческого общения» (Войскунский, 1990, 50). Справедливость этого тезиса, подтверждена специальными исследованиями психологов на примере развития коммуникативных способностей детей.

С этой точки зрения структура общения рассматривается Б.А. Успенским, который отмечает, что «процесс речевой коммуникации в минимальном виде характеризуется, как известно, участием двух сторон: говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). При этом... наряду с общим для обоих участников кодом языка можно говорить о специальной системе говорящего, т. е. своего рода кодирующем устройстве, позволяющем синтезировать текст

(переходить от сообщения к тексту), и о *системе слушающего*, т.е. о декодирующем устройстве, позволяющем, напротив, анализировать текст (переходить от текста к сообщению)» (Успенский, 1997, 7). Автор совершенно справедливо считает, что «критерий эффективности языка может быть различен с точки зрения говорящего и с точки зрения слушающего. Точно так же и экономия усилий может проявляться как с той, так и с другой стороны, причем очевидно, что экономия усилий говорящим часто может быть невыгодна для слушающего, и наоборот... Таким образом, говорящий и слушающий вступают в известный конфликт друг с другом, который на деле оканчивается, очевидно, более или менее удачным компромиссом между требованиями того и другого; при этом можно предположить, что та или другая тенденция – т.е. тенденция говорящего или тенденция слушающего – может возобладать в языке. Преобладание тенденции говорящего или слушающего относительно легко констатируется в *речи...*; соответственно, внутри одного языка могут быть выделены состояния, ориентированные на слушающего, и состояния, где проявляются в большей степени тенденции говорящего» (Успенский, 1997, 7-8).

Поскольку говорящий является активной стороной в коммуникативном процессе, при порождении текста он имеет возможность непосредственно проводить выгодные ему тенденции. В то же время влияние слушающего (Passy, 1890, 122) выражается в его реакции: слушатель может контролировать говорящего своим поведением – он может не понимать, переспрашивать, неправильно реагировать и т.п., словом, затруднять процесс коммуникации, что и делает *невыгодным* для говорящего не принимать в расчет требования слушающего. С другой стороны, говорящий и сам может выступать в роли слушающего (в роли слушающего себя) при говорении, т.е. он может сам контролировать свою речь, пытаясь декодировать собственное сообщение. В этом случае корректирующая обратная связь проявляется внутри самого говорящего (иначе говоря, процесс коммуникации реализуется здесь внутри одного человека, который является вместе и говорящим и слушающим).

Очевидно, что требования говорящего и слушающего в процессе речевой коммуникации различны. Это различие обусловлено прежде всего тем, что говорящий идет от системы к тексту (т.е. кодирует сообщение при помощи определенной лингвистической системы, выдавая на выходе текст), слушающий же, напротив, идет от текста к системе (т.е. декодирует получаемый текст). Соответственно, если для говорящего наиболее существенна эффективная *система*, порождающая данный текст (тогда как на самый текст он обращает меньше внимания), то слушающему важен прежде всего достаточно отчетливый и полный *текст* (в то же время то, насколько легко или экономично порожден данный текст, ему, естественно, менее важно). Говорящий стремится выдать больше информации за минимум времени; слушающий же заинтересован, наоборот, в том, чтобы эта информация была как-то рассредоточена во времени. Говорящий стремится к наиболее рациональной организации элементов в системе: он стремится, в частности, перераспределить функциональную нагрузку элементов таким образом, чтобы все элемен-

ты стали функционально равно важными. Слушающий же заинтересован в том, чтобы не было функционально равноценных элементов, так как тогда нет предсказуемости, избыточности сообщения. Если для слушающего характерен *вероятностный* подход к получаемому им сообщению, состоящий в эвристической процедуре последовательной оценки степени вероятности той или иной интерпретации воспринимаемого текста, то подход говорящего в большей степени может быть описан как детерминистический.

Теоретическое моделирование роли коммуникантов и факторов общения, представленное Б.А. Успенским, практически по всем показателям совпадает с наиболее часто встречающимися в специальной литературе воззрениями по этому аспекту речевой деятельности. Однако особая заслуга автора нам видится в том, что он прямо утверждает: «Говорящий вообще ориентируется на контекст, на ситуацию – поэтому то, что кажется ему очевидным из контекста, он может опустить; эти тенденции говорящего... входят в противоречие, однако, с интересами слушающего, у которого как раз обратная задача – восстановить ситуацию из текста» (Успенский, 1997, 17).

Г. Гийому утверждал, что выбор речевой единицы для обозначения объекта речи представляется как результат движения мысли, которая совершает его в границах «общее – частное»: общее значение находится в языковой памяти как обозначение общего понятия в полном объеме, частное – это то значение, речевое, которое требуется для сообщения в каждом конкретном случае. И это движение мысли во времени определяется таким фоновым показателем, как степень владения человеком языком, на котором он говорит.

Частично проблема взаимодействия говорящего и слушающего, хотя и без выделения фонового содержания в качестве прагматического компонента, была теоретически рассмотрена в коллективной работе «Актуализация предположения» на примере моделирования прагматической интерпретации дескрипций. Здесь отмечается, что введение прагматического фактора в теорию референции внесло изменение в трактовку таких понятий, как определенные и неопределенные дескрипции, сместив традиционные акценты, делавшиеся на их логическом содержании и истинностном значении. Авторы утверждают, что «учет прагматической стороны, т.е. переход от категорий языка к категориям речи, привел к расщеплению многих языковых понятий на две разновидности, одна из которых определяется по отношению к говорящему, а другая по отношению к адресату сообщения, а также к распределению языковых категорий по их большей связи с автором или адресатом речевого акта... В определение всех категорий, соотносимых с говорящим, было внесено понятие коммуникативного намерения. Включившись в сферу, центром которой является автор речи, референция также была интерпретирована как одно из проявлений интенции» (АП, 1997, 62) – одного из основных фоновых прагматических компонентов, определяющих иллокутивную структуру высказывания.

В качестве примера истолкования информации, сообщаемой говорящим, который решает использовать выражение с определенной референцией, приводится следующее положение: «*В моем ментальном мире имеется уникальная сущность, о которой я намереваюсь кое-что сказать*». Данная опи-

сательная фраза достаточна для того, чтобы можно было найти или создать некоторую уникальную сущность в модели мира, используя весь контекст и общие знания (относительно мира, правил речевого общения и собственного состояния), о наличии которого делается предположительный вывод на основании собственной модели о собеседнике. По мнению авторов, «в этом определении очерчен весь круг процессов, происходящих в «текущем контексте говорящего и слушающего» при употреблении определенной дескрипции с целью идентификации референта» (АП, 1997, 63).

Разумеется, это определение содержит ряд спорных моментов. Во-первых, оно описывает определенную референцию в терминах сообщения относительно сущностей и дескрипций в соответствующих материальных мирах, а не суждения об объектах реального мира. Во-вторых, это определение подразумевает взаимодействие говорящего и адресата, активную роль обоих коммуникантов в акте установления определенной референции: говорящий может делать выбор определителей на основании заключения о процессах, которые использует слушающий при интерпретации данного выражения, а слушающий может основывать свою интерпретацию на умозаключениях относительно состояния и деятельности говорящего.

Наблюдения за ходом реального речевого общения позволили по достоинству оценить значение межличностных отношений, охватывающих весь комплекс фоновых прагматических составляющих речевого общения. Успешность идентификации референта во многом зависит от заинтересованности собеседников в предмете разговора, от готовности адресата к сотрудничеству, к выполнению своей доли коммуникативных обязанностей. Основная коммуникативная функция определенных дескрипций – осуществление идентифицирующей номинации, выбор которой всецело определяется прагматическими факторами: при референтном употреблении определенная дескрипция дает адресату инструкцию для выделения из поля, доступного его восприятию или знанию, лица или предмета, о котором делается сообщение, причем избранные индивидуализирующие признаки обусловлены прагматически, в первую очередь – требованием знания их адресатом.

Прагматическая точка зрения на неопределенные дескрипции также опирается на интенцию отправителя. Считается, что категория неопределенности сигнализирует о различии в степени осведомленности собеседников: объект детерминирован только в замысле отправителя, он может быть определен однозначно только через намерение говорящего, произносящего данную неопределенную дескрипцию в данный момент. Полагается, что, если в случае употребления определенной дескрипции говорящий хочет, чтобы адресат однозначно опознал объект его референции, при использовании неопределенной дескрипции говорящий не выдвигает такого требования по отношению к собеседнику. Он лишь дает понять, что имеет в виду определенный объект, который, однако, неизвестен адресату и который поэтому тот не должен идентифицировать, т.е. отождествить с каким-то известным ему по предшествующему упоминанию или из совместного опыта объектом. Различают так называемые слабоопределенные дескрипции с семантическим ком-

понентом «объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему» и собственно неопределенные дескрипции с компонентом «объект неизвестен говорящему».

Из всего сказанного следует, что фоновое содержание высказывания, включающее комплекс компонентов экстралингвистического характера, которые находятся в непосредственной связи с его смыслом, представляемым языковыми единицами, и усиливают акцентированность отдельных смысловых сегментов, в целом определяется коммуникативной интенцией отправителя сообщения, который корректирует тактику ее реализации на основе «обратной реакции».

Фоновые компоненты прагматики, всегда сопровождающая речевое воплощение сообщения, могут иметь различную степень проявления, обусловливаемую ситуацией общения, и представляются постоянным «набором» составляющих, который детерминирован стремлением участников к максимальной эффективности коммуникации.

Эти особенности диалогического общения требуют пристального внимания и учета в преподавании иностранного языка. Степень языковой компетенции студентов, без сомнения, является основой стратегии выбора в учебных целях подготовленного и спонтанного диалога, а также диалога «преподаватель – студент».

Литература

1. АП: Актуализация предложения: В 2 т. – Т. 1: Категории и механизмы / В.В. Бурлакова, А.И. Варшавская, П. Джоунс, О.В. Емельянова, А.В. Зеленщиков, А.А. Масленникова, Т.П. Третьякова / Отв. ред. А.В. Зеленщиков. – СПб: Изд-во С.-Петербурга. ул-та, 1997. – 236 с.
2. Войскунский А.Е. Я говорю, мы говорим...: Очерки о человеческом общении. – 2-е изд., дораб. и дополн. – М.: Знание, 1990. – 240 с.
3. Успенский Б.А. Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения «говорящего» (адресанта) и «слушающего» (адресата) // Успенский Б.А. Избранные труды, том III. Общее и славянское языкознание. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 5-33.
4. Passy P. Etudes sur les changements phonetiques et leurs caracteres generaux. – Paris, 1890 / Прив. по: Успенский Б.А. Избранные труды, том III. Общее и славянское языкознание. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 9; 702.

М.А. СИТНИКОВА
БелГУ, г. Белгород

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, они, в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для дан-